

У ЭТОЙ повести — вечный сюжет: приезд матери из глухой северной деревни к сыну в столицу. И вечный конфликт между простодушием, честностью, трудолюбием и лицемерием, дьячеством, душевной пустотой. И все-таки повесть «В гостях у сына» Александра Яшина не просто современна, она злободневна, она хлестка, как иной фельетон на страницах нашей печати. Может быть такое?.. Оказывается, может! Добавлю, что когда в августе восьмидесятого года мне вместе со Златой Константиновной (вдовой поэта) и делегацией московских и ленинградских писателей довелось приехать на Яшинские чтения в город Никольск, а стало быть, и в Блудново, и на Бобринский Угор, то самое сильное впечатление на меня произвели мать поэта — Евдокия Григорьевна и его сестра Санюшка. Сильный, властный характер Евдокии Григорьевны проглядывал в каждом ее жесте и в каждом слове, а скупые замечания были необычайно глубоки и образны: «Смотри. — говорила она мне, — Санина сестра-то при виде гостей так и закаталась колобком — от печи к столу, от сто-

Сергеевны. И они стали обозначением всех форм приобретательства, эгоизма, равнодушия к близким и родным да и вообще ко всему человеческому окружению, если это окружение не соответствует амбициозным претензиям и воззрениям Кругловых.

В частности, извращение сути и смысла понятия «личная жизнь» — самый невинный, простейший пример той мимикрии, того приспособления к «лозунгам дня», что выработывала в себе чиновная среда, к которой и принадлежал Никита Круглов. Именно эта среда, по сути дела, стала главным объектом изображения и «тайного гнева» в повести Александра Яшина.

Громкими лозунгами и столь же громкими призывами прикрывались в этой среде беспринципность и откровенный бюрократизм. Вот Никита Петрович везет Матрону Савельевну на ВДНХ: он заставляет ее, безмерно уставшую с дороги, дивиться то на павильоны среди фонтанов, то на группы золоченых скульптурных фигур, то

Следует заметить, что в своем произведении Александр Яшин раскрыл и тот самый «ларчик», который открывался совсем не просто, который, с точки зрения защитников эпохи застоя, открывать народу было никак нельзя. Еще раз хочу напомнить, что яшинская повесть была написана тридцать лет назад и что Яшин выступил в ней с отчетливых и — скажу так же — по-народному неоспоримых идейных позиций. Причем его позиция была важна хотя бы потому, что она не упрощала, не схематизировала, не подгоняла под некий общедоступный шаблон, а передавала всю сложность и даже, может быть, противоречивость его мироощущения.

Так, например, если в образе Аллы Сергеевны, жены Круглова, запечатлена фантастически умелая способность обратить любую ситуацию в свою пользу, то в дальнейшем появляются фигуры куда как покрупнее этой, в общем-то, заурядной меццанки и потребительницы жизненных благ.

Валерий ДЕМЕНТЬЕВ

Спешите делать добрые дела!..

О повести Александра Яшина «В гостях у сына»

ля к самовару...» В словах Евдокии Григорьевны просквозила тайная горечь — была она старостью и болезнью прикована к постели... И еще одно вспомнилось: «Поди, видел Санину колыбель-то на Бобринском Угоре? И фанерный лист вместо письменного стола видел? И крест его деревянный, что стоял прежде каменного?.. Значит, всю его жизнь ты видел!»

Рассказанное здесь имеет прямое отношение к повести «В гостях у сына», опубликованной через тридцать лет после того, как она была написана (публикация Н. А. Яшиной). И не только не утрачивает своей художественно-публицистической ценности, писательской горечи, боли, сарказма, пронизывающих каждую ее строку; но как будто обретшей новый и особый для нас смысл, как и яшинская «Вологодская свадьба» или его «Рычаги».

И я обманывал.

И мне, бывало,

Достоинство мужское изменяло,

Сейба обкрадывала утехи ради

И часто с совестью своей не ладил.

Эти стихи были зачеркнуты черным редакторским крестом на листах стихотворного дневника «Юг-река», который Яшин предложил редакции журнала «Октябрь» летом пятьдесят восьмого года. Иначе говоря, в то самое время, когда писалась и его повесть «В гостях у сына». И смысл этого стихотворения опять-таки заключался в том, что нравственную, перестройку надо начинать с себя, что необходимо взглянуть в свои действия и поступки, и перестать говорить о всевластных обстоятельствах, вселили догматов, диктующих тебе каждый твой шаг. Вот так Яшин восставал против ситуационной этики, то есть этики предписаний, указаний, рекомендаций, определяющих ту или иную жизненную ситуацию, говорил он, что пора вернуться к морали народной, глубинной, трудовой, сформировавшейся во мгле столетий и все возрастающей в своем значении в наши дни.

Жизненные принципы Никиты Петровича Круглова, на постоянное жительство к которому приехала мать Матрена Савельевна, в известной степени сформировались под воздействием его жены Аллы

с неподражаемым пафосом восклицает: «...здесь все тебе родное, колхозное, все свое и все на виду».

В ответ на эти слова психологически тонко Александр Яшин показал душевное состояние Матрены Савельевны, ошеломленной этой никогда невиданной прежде «наглядностью богатства колхозной жизни», уstraшенной победными маршами и вконец подавленной смертельной усталостью. В разительном контрасте со всей этой безвкусицей и откровенной показухой вспоминаются ей те нехитрые хитрости, к которым прибегали деревенские жители, чтобы заполучить всего лишь один документ, который был гарантирован сталинской Конституцией: паспорт!.. Или с тихой болью она думает о сельмаге, в котором годами не бывало ни керосина, ни мыла, ни крупы; а всегда одна водка и книжечки про минеральные удобрения. А затем — все эти бесконечные хлебозаготовки, льнозаготовки, мясозаготовки, молокозаготовки... Вспомнила она и клубное здание, которое осенью засыпали рожью, чтобы весной вынести остатки сгнившего хлеба и тем самым приготовить здание для нового богатого урожая... Здесь я должен еще раз особо подчеркнуть, что Матрена Савельевна, конечно же, является образом обобщенным, типизированным, что сказывается и в ее робости, молчаливости, ее безответности, как говорят на Севере вот про таких скромных и незаметных женщин. Нет, не такой была Евдокия Григорьевна — мать поэта, и не таким она видела мир!

Ключом же к душевному состоянию матери Круглова являются горькие и скупые слова ее признания: «Сама уехала, а душа все там, словно на нее паспорта не выдали».

Вот так, до последних страниц повести вкраплены в текст ее замечания, ее редкие реплики, которые оказываются золотыми в леске пустых разговоров и пустых затей, супругов Кругловых.

«Ладно ли?» — вопрос, который когда-то в стихотворении «Желтые листья» задавали Яшину его земляки-воложане. Этот же вопрос задает и Матрена Савельевна в повести, опубликованной журналом «Москва».

...Итак, семья Кругловых вместе с Матреной Савельевной едет в однодневный дом отдыха в Подмосковье — так неприятельно в кругах, к которым был уже близок Никитушка, назывался самый что ни на есть загородный «парадиз», то есть рай земной, обетованный. Правда, в этот рай Никита Петрович пока проник не без малой хитрости, поскольку он сослался на некую безымянную старушку, что приехала из далекого северного колхоза в Москву для отдыха и лечения. И все на том же языке метафор-перевертышей, ставших его собственной речью и подменявших какие угодно понятия их прямой противоположностью, он объясняет матери необходимость подобного «парадиза»: «Ты пойми, когда человек дорог, когда он видный, ответственный, для него ничего не жалко... Понимаешь, старушка? Чтобы он никакими мелочами не занимался. Знай, работай, служи народу, живи с ним одной жизнью...»

Как уже говорилось, склонность к лозунговым понятиям-перевертышам, которые позволяли и самому Круглову пребывать в ослеплении, и ослеплять по мере сил и возможностей своих сограждан, полнее всего проявилась в его разговоре с матерью. Ах, какой моральной и чисто человеческой нечистоплотностью пахнуло от этих казенных речей Никитушки Круглова!

А партия в бильярд, которую как неожиданный подарок судьбы играет и нарочно проигрывает Никита Круглов самому Корнею Ивановичу, большому министру, — эта сцена вообще написана с неподдельной издевкой и сарказмом, свойственными Александру Яшину в такой же самой степени, как и его поэтическая задушевность, его лиризм.

И все-таки, все-таки в заключение этих заметок я не могу не вспомнить стихотворные строки Александра Яшина «Спешите делать добрые дела!». Одно время эти строки мы так часто цитировали и брали в качестве газетно-журнальных «шапок», а вот теперь вроде бы начисто забыли. А жаль. Добро можно и нужно делать, утверждать добро, разоблачая всяческую фальшь и демагогию... Ибо еще со времен Платона именно идея добра была предметом философского осмысления мира. И Александр Яшин не был здесь исключением среди других.